

УДК 81'38:81'42

СОВРЕМЕННЫЕ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Лариса Геннадьевна Кыркунова

доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный университет

614990, Пермь, Букирева 15. kirkunova_1@psu.ru

Статья посвящена проблеме интертекстуальности в деловых текстах. Автором рассматриваются, главным образом, тексты современных защитительных речей, которые сравниваются со ставшими уже классическими текстами XIX в. Предметом изучения являются способы репрезентации категории интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекстуальность; риторика; деловой текст; судебные речи; защитительные речи.

Интертекстуальность определяется в лингвистике как текстовая категория, «отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [СЭС 2003: 104]. В широком смысле интертекстуальность предстает как универсальное свойство любого текста, в узком плане – «как функционально обусловленное специфическое качество определенных текстов» [СЭС 2003: 105]. В настоящее время исследователи имеют довольно отчетливое представление о сути и способах выражения интертекстуальности в художественном и научном текстах [Кузьмина 2006, 2007]. На материале публицистического стиля исследователи, как правило, рассматривают в качестве способа реализации интертекстуальности использование прецедентных текстов. Нам представляется интересным и актуальным проанализировать в аспекте интертекстуальности тексты официально-деловой сферы и выявить способы, механизмы реализации этой категории.

В качестве конкретной предметно-тематической области делового общения мы выбрали судебную-следственную сферу, которая характеризуется необычайным богатством и разнообразием жанров деловых документов, собираемых и составляемых следователем на всех этапах подготовки материалов дела к рассмотрению в суде.

На начальном этапе следствия различные «пестрые» в тематическом и структурном отношении тексты (протоколы допросов потерпевше-

го, свидетелей, обвиняемого; результаты разнообразных экспертиз; протокол осмотра места происшествия и другие протоколы; характеристики; справки и т.д.) объединены лишь рамками уголовного дела, связаны подчас весьма условно. Общим является субъект/объект речи: содержание все тексты так или иначе характеризуют обвиняемого, пострадавшего, свидетелей, объект преступных посягательств, обстоятельства в момент совершения преступления, непосредственно перед ним или после. По большому счету, общим (объектом речи) во всех этих текстах с лингвистической точки зрения является само преступное действие. На заключительных этапах следствия по делу «элементы мозаики» (содержание отдельных текстов) складываются в сознании следователя в целостную «картину». Эта новая картина находит отражение в жанре **обвинительного заключения** (документа, который составляется следователем перед передачей дела в суд). Обвинительное заключение, следовательно, можно рассматривать как «ключевой» текст, не просто так или иначе тематически связанный с предыдущими материалами дела, но **опирающийся, базирующийся на них, включающий в себя их содержание**. Обвинительное заключение формирует, в свою очередь, рамки судебного разбирательства, так как отражает основной перечень собранных по делу доказательств. Приращение смысла в сравнении с предыдущими текстами возникает в нем (как, впрочем, и в постановлении о возбуждении уголовного дела и др.) за счет введения юридической

Кыркунова Л.Г. СОВРЕМЕННЫЕ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ.

квалификации содеянного, которая реализуется посредством отсылок к соответствующим статьям УК РФ или УПК РФ. Например: **Обвинительное заключение по обвинению С-ва А-да С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч.2 УК РФ.**

Следователь использует **паспортные и биографические данные** подозреваемого: **О Б В И Н Я Е Т С Я**: Фамилия, имя, отчество; дата рождения; место рождения; место жительства (регистрации); гражданство, образование, семейное положение, отношение к воинской обязанности, наличие судимости, данные документа, удостоверяющего личность. Приводит иные данные о личности обвиняемого (**на основе представленных характеристик и справок**): на учете у врача психиатра и нарколога не состоит, характеризуется положительно. **На основе данных протокола допроса свидетелей, потерпевших и подозреваемого** составляется краткое описание обстоятельств преступления: *09 сентября 2006 г., около 21 часа 30 минут, Сов А.С., управляя автомашиной марки ВАЗ-2108, государственный регистрационный знак О8758 СА 59 регион, двигаясь по ул. Маяковского г.О-а Пермского края, со скоростью 68 км/час., не менее, ... при обгоне автомашины, идущей в попутном направлении, не убедившись в безопасности маневра, допустил наезд на пешехода Н-ву А.Е., причинив ей телесные повреждения, от которых наступила ее смерть. В свете определенных статей УК РФ квалифицируется действие обвиняемого: Своими действиями С-ов А.С. совершил преступление, предусмотренное ст.264 ч.2 УК РФ – нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека.*

Примечательно, что центральную часть документа составляет перечисление доказательств, подтверждающих обвинение, посредством **отсылок** к различным предтекстам, собранным в деле. Следователь перечисляет:

– показания потерпевшего *Н-ова С.С., который показал, что является сыном Н-ой А.Е., которая попала в ДТП 09.09.2006г., после чего скончалась. Какими-либо тяжелыми заболеваниями она не болела./л.д.17-18/;*

– протокол осмотра МП *от 09.09.2006г., схема ОМП./л.д.8-11/;*

– акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения *от 09.09.2006г. /л.д. 14/;*

– проверку показаний на месте *от 19.09.2006г., С-ов А.С. указал, что возле городской бани «Жара» совершил наезд на пешехода, ехав со стороны ул. И-ная, по ул. М-ого, г.О-са./л.д. 29-30/;*

– показания свидетелей (случайных прохожих, врача «Скорой помощи» и т.д.);

– заключения экспертов;

– показания подозреваемого, обвиняемого *С-ва А.С., который свою вину признал полностью и показал, что 09.09.2006г. он взял а/машину своего брата С-ва Р.С., и вместе со своим знакомым К-ки Ю.М. в вечернее время поехали по делам. Спиртное в этот день он не употреблял. Время было темное, около 21 часов...С-ов А.С... пошел на обгон а/машины, ..., на расстоянии около 7-8 метров увидел на дороге двух пешеходов, перебежавших дорогу. Принял все возможные меры к торможению, но избежать наезда на пешехода не удалось, С-ов А.С. сбил пешехода левой частью а/машины. ...В содеянном С-ов С.А. раскаивается. /л.д. 24-27,86-87/.* В некоторых случаях составитель текста **дословно цитирует** другие тексты, иногда просто **отсылает** к определенным листам в материалах дела.

Интертекстуальность в следующей части документа реализуется также за счет отсылок к другим документам: справке о семейном положении (*Обстоятельства, смягчающие наказание обвиняемого: На иждивении имеет 3 н/л детей*), паспортным данным потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Таким образом, на этапе предварительного следствия в тексте обвинительного заключения наблюдается системное обращение к другим документам, находящимся в деле. На наш взгляд, интертекстуальность носит в данном случае **нарочито подчеркнутый** характер, реализуется составителем обвинительного заключения **последовательно и планомерно**. Предтексты выполняют функцию **элементов аргументации в системе обоснования позиции следователя**.

По итогам слушания дела составляется **приговор суда**. Примечательно, что этот специфический по структуре текст демонстрирует тот же набор средств реализации интертекстуальности (употребленных в той же функции), что и текст обвинительного заключения.

Между этими двумя предельно формализованными, «ключевыми» для судебного процесса текстами находятся **судебные речи**. Именно они своим содержанием способны изменить ход процесса, повлиять на формирующуюся в сознании присяжных или состава суда картину преступления и мнение о степени вины подозреваемого. Тексты судебных, особенно защитительных, речей представляют особый интерес с точки зрения реализации в них категории интертекстуальности. В них мы наблюдаем не только иную совокупность средств репрезентации последней, но и обнаруживаем более свободное «манипулирование» (объединение, пересказ, отсылки одно-

временно к ряду документов и т.п.) содержащейся в материалах дела информацией. При этом в зависимости от занимаемой обвинителем или защитником процессуальной позиции в тексте судебной речи на первый план выходят те или иные обстоятельства, другие же не акцентируются, не замечаются судебным оратором. «... Общая стратегия сторон заключается в том, чтобы, признав и осудив один факт, подчеркнуть, выделить другой» [Михайловская, Одинцов 1981:15].

Современные защитительные речи в аспекте интертекстуальности примечательны еще и тем, что, будучи все-таки продуманы еще до момента выступления, произносятся непосредственно после выступления государственного обвинителя и в связи с этим зачастую включают в свой состав тематические блоки «Анализ и оценка позиции обвинения». В текстах защитительных речей мы можем встретить целый ряд отсылок. И, как это принято в деловой сфере, в связи со стремлением автора текста к точности и однозначности передачи информации ссылки всегда «авторизованы» (указывается текст-источник).

Проанализируем один из текстов защитительной речи, опубликованный в журнале «Российская юстиция» [Акимченко 2001: 73-75]. Способами репрезентации категории интертекстуальности в ней являются:

1. Неоднократные **обращения к тексту речи государственного обвинителя** и позиции следствия, выраженной в **тексте обвинительного заключения**: *По настоящему делу следствие и представитель государственного обвинения считают доказанным покушение Н. на изнасилование восьмилетней М.; Обвинение в покушении на изнасилование — это домыслы и предположения, не подтвержденные материалами дела; Меня удивило предложение представителя государственного обвинения назначить Н. восемь лет лишения свободы, т.е. не учитываются данные о личности подсудимого.*

2. Ссылки на показания подсудимого (отраженные в **протоколе допроса подозреваемого**): *Н. виновным себя не признал, показав, что 1 мая 1996 г. в 19 час. 20 мин. потерял друзей у гостиницы "Метрополь", пошел вверх по Петровке и в поисках места для отправления естественных потребностей свернул направо на бульвар, зашел во двор и у подъезда незнакомого дома был задержан сотрудниками милиции; Подсудимый пояснил, что после задержания ему предложили написать признание, но он отказался и был избит; другое «доказательство» обвинения — протокол допроса Н. в качестве подозреваемого: «Я увидел, как от компании отделился ребенок,*

мальчик или девочка — точно не помню, я пошел вслед за ним, чтобы изнасиловать».

3. Ссылки на показания свидетелей (отраженные в **протоколах допроса свидетелей и протоколе судебного заседания**): *Мать потерпевшей М. показала на судебном заседании, что неизвестный молодой человек, появившись во дворе дома № 7/10, сразу за подружками дочери вошел в подъезд № 1 во дворе, а дочь, спустя короткое время, вошла со двора в свой подъезд — № 2.; о каких действиях молодого человека говорила потерпевшая на следствии?*

4. Отсылки к **тексту обвинительного заключения и статьям действующего законодательства**: *Органы предварительного расследования квалифицировали действия субъекта, совершившего в отношении М. преступление, по ст. 15 и ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. Однако доказательств этому нет; Если вы, уважаемые члены судебной коллегии, не согласитесь с моей точкой зрения, прошу переqualифицировать действия Н. со ст. 15 и ч. 4 ст. 117 УК РСФСР на ч. 1 ст. 213 УК РФ и при назначении ему наказания учесть все данные о его личности и смягчающие наказание обстоятельства; в обвинительном заключении в нарушение ст. 205 УПК РСФСР его доводы не опровергнуты.*

5. Отсылки к **протоколу явки с повинной**: *Цитирую: "...После употребления большого количества спиртного был уличен в попытке изнасилования".*

6. Ссылки на **характеристику с места работы**: *По месту работы в ТОО "Алан" о нем отзываются как о добросовестном сотруднике.*

7. Ссылки на **характеристику с места жительства**: *По месту жительства на его поведение замечаний не поступало. Он не привлекался ни к административной, ни к уголовной ответственности.*

Иногда **интертекстуальность** судебной речи выражается в достаточно сложном соединении отсылок, цитат и пересказа содержания других текстов. Например: *Обратимся к версии следствия о времени совершения преступления и задержании Н. В обвинительном заключении указано, что преступные действия в отношении М. совершены примерно в 19 час. Н., по его показаниям, в это время еще не добрался с друзьями и до гостиницы "Метрополь". Мать потерпевшей, А., показала в суде: молодой человек появился в начале восьмого, через несколько минут раздался крик дочери, молодой человек убежал сразу после того, как она вошла в подъезд, и она тут же обратилась к работникам охраны за помощью. То есть, по ее показаниям, преступление было совершено не позднее 19 час. 30 мин.*

*Свидетель Г., работник охраны, на следствии показал, что жители обратились к нему за помощью в 19 час. 45 мин., в суде он пояснил — "в районе восьми". Поиски молодого человека, по его словам, продолжались около получаса, по словам свидетеля Г., другого работника охраны, около 20 мин. Следовательно, Н. задержали в 20.10—20.20. А это значит, что в течение 40—50 мин. виновный, убежавший с места преступления, находился в сотне метров от дома № 7/10 по 1-му Кол-кому переулку и ждал, пока его найдут. Уместно **напомнить**, что Н. во время прохождения службы в Чечне был разведчиком. Поэтому версия обвинения абсурдна. **А объяснение Н. о том, что он начал двигаться вверх по Петровке в 19 час. 30 мин., а в начале девятого был задержан, не противоречит здравому смыслу.***

Специфическим способом проявления интертекстуальности является **указание на содержательную лакуну в другом тексте** (в речи государственного обвинителя): *Обвинение не обратило внимания на следующий момент. У преступника во время преступных действий не было в руках зонта.*

В защитительной речи встречаем также развернутые вариативные повторы (как в научных текстах [Данилевская 1992]), основанные на обращении в целом к материалам дела: ***Я повторяю**, в настоящем деле присутствует трагическое для подозреваемого стечение обстоятельств, это случается, к сожалению, не редко. **Доказательств**, свидетельствующих о том, что именно Н. совершил преступные действия в отношении малолетней М., **в деле нет**, я прошу вынести в отношении подсудимого оправдательный приговор.*

Таким образом, в тексте защитительной речи используются разнообразные (как обычные, типичные для этой предметно-тематической сферы общения, так и специфические, характерные только для защитительных судебных речей) средства выражения категории интертекстуальности. Защитник строит свой текст с учетом прозвучавшей перед этим обвинительной речи, но при этом постоянно опирается на многочисленные тексты, сопровождающие все слушание дела.

В связи с изучением интертекстуальности в судебных речах возникает вопрос, важный для понимания истории развития судебной риторики: всегда ли интертекстуальность как текстовая категория находила отражение в судебных речах и, если да, то каков был в этом случае набор речевых средств ее репрезентации?

Ответ на этот вопрос дает сравнительно-сопоставительный анализ текстов современных судебных речей с подобными текстами второй

половины XIX в. — «золотого периода» в развитии русской судебной риторики. Такие известные русские судебные ораторы, как А.Ф.Кони, Ф.Н.Плевако, С.А.Андреевский и др., оставили удивительные по своей психологической мощи и художественной выразительности речи, отличающиеся мельчайшей проработкой всех деталей, особой «отшлифованностью» стиля и вызывающие отклик не только в сознании слушателей, но и в их душах. Например, ставшее сегодня хрестоматийным описание внутреннего состояния купца Андреева (защитительная речь С.А.Андреевского. Цит. по: [Ивакина 1995: 169-179]), узнавшего от любимой им женщины, законной супруги о ее намерении уйти к другому: *«...на следующий же день, за утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу: «А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...*

Господа присяжные заседатели!

Все, что я до сих пор говорил, походило на спокойный рассказ. Уголовной драмы как будто даже издали не было видно. Однако же если вы сообразите все предыдущее, то для вас станет ясно, какая страшная громада навалилась на душу Андреева. С этой минуты, собственно, и начинается защита.

В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуце. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и — все погибло».

Анализ речей судебных ораторов второй половины XIX в. выявляет принципиально иной характер проявления категории интертекстуальности в них.

Во-первых, интертекстуальность в текстах этого периода представлена достаточно **скупо, открытых отсылок к другим текстам мы почти не найдем**. Лишь в ряде случаев можно **догадаться**, что речь идет о показаниях свидетелей или каких-либо других лиц. В данном случае ссылки помогают более углубленно понять текст или предотвратить его не-(до)понимание. Например, явно из показаний домашней челяди узнал судебный оратор о том, что *«...имя Пистолькорса все громче врывается в его дом как имя человека, вытесняющего его самого с дороги. Жена открыто разговаривает с Пистолькорсом по телефону. Наконец, дочь после долгих колебаний сообщает отцу о серьезных намерениях матери, раскрывает перед ним ее давнишний ро-*

Кыркунова Л.Г. СОВРЕМЕННЫЕ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ.

ман. *Андреев начинает чувствовать гибель. Он покупает финский нож, чтобы покончить с собой*». Или: *Генерал аттестует покойную с наилучшей стороны: «правдивая, честная, умная, скромная»*. Следовательно, **интертекстуальность как систематическое и целенаправленное обращение к другим материалам уголовного дела еще не сформировалась**.

Во-вторых, **интертекстуальность** судебных речей во второй половине XIX в. **формируется за счет** активного использования ораторами того, что в настоящее время в лингвистике получило название **«прецедентный текст»** [Чудинов 2006]. Достаточно часто в судебных речах этого периода мы встречаем народные пословицы и поговорки, общепонятные в то время обороты речи, цитаты из знакомых современникам православных христианских текстов. Например, в той же речи С. А. Андреевского читаем: *Но для Андреевой все было «трын-трава»; они друга друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа — потемки». А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, — это общее правило подтверждается особенно часто; она уже помыкала в безденежье, без определенной заработка и ранее встречи с Андреевым рисковала, как говорится, «ходить по рукам»...; что бы там ни говорили, но «не подобает быть человеку единому»; но так как «мертвые срама не имут», то высказывать о них правду не только возможно, но даже и необходимо, потому что каждый умерший есть поучение для живых и т.д.* Использование этого средства репрезентации интертекстуальности роднит судебные речи II половины XIX в. с художественными и публицистическими текстами, что, в свою очередь, свидетельствует о **своеобразной не-(до)оформленности сферы следственно-судебных отношений как отдельной предмет-**

но-тематической области делового общения. Как пишут Н.Г. Михайловская, В.В. Одинцов, в то время «юристы-ораторы умели вскрыть "общественно-политические нити" преступлений, "язвы современного строя", стали глашатаями и проповедниками "общественной морали"» [Михайловская, Одинцов 1981: 10].

Интертекстуальность – категория развивающаяся. Ее формирование в деловой сфере проходит параллельно со становлением самой сферы деловых отношений, выделением и закреплением в ней новых жанров, изменением старых, классических деловых текстов. В современных защитительных речах используются обычные для сферы деловых отношений средства репрезентации интертекстуальности. Это еще раз убеждает нас в несомненно «деловой» природе судебных речей.

Список литературы

Акимченко Е. А. Обвинение не подтверждается материалами дела // Российская юстиция, 2001, № 7. С.73–75.

Данилевская Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста, Пермь. 1992. 144 с.

Ивакина Н.Н. Культура судебной речи, Москва. 1995. 334 с.

Кузьмина М.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 272 с.

Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора, Москва, 1981. 176 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной, Москва, 2003. 696 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика, Москва, 2006. 256 с.

MODERN JUDICIAL SPEECH AND CRIME INVESTIGATION TEXTS IN THE ASPECT OF INTERTEXTUALITY

Larisa G. Kyrkunova

Assistant Professor of Russian Language and Stylistik Department
Perm State University

The article is devoted to the intertextuality problem in business texts. Some texts of modern judicial speeches, mainly defending ones are studied in the given article, which are compared to some classic texts of the 19th century. The language means of intertextuality representation are revealed.

Keywords: business text; judicial speeches; intertextuality, rhetoric, defence speech.